

Ван Сюань слегка подвинулся, устраивая Гоуданя поудобнее у себя на плече, и тихо заговорил:

— У нас в больнице за эти категории и звания сейчас такая грызня идет... А ведь раньше все как-то дружнее были. Не думал я, что с развитием экономики люди так изменятся. Той прежней, почти семейной атмосферы среди коллег больше не вернуть.

Гоудань приподнял голову:

— Тебя кто-то обидеть вздумал?

Ван Сюань покачал головой:

— Да нет. Я ведь тоже не из теста слеплен. Сама по себе конкуренция — дело хорошее, если работе на пользу. Просто на некоторых деятелей смотреть тошно.

Он вспомнил, как на днях слегка проучил одного из таких выскочек, но особой радости это не принесло.

Раньше его отношение к врачеванию было куда проще и чище. Профессия ведь особая, тут не до интриг, когда на кону человеческие жизни. Кто же знал, что человеческое тщеславие и жажда наживы могут превратить даже больничные палаты в арену для политических игр? Благо старый главврач — человек твердый и волевой, иначе больницу давно бы превратили в лавку по торговле влиянием.

— Ладно, бог с ними, — Ван Сюань мягко похлопал Гоуданя по руке. — Ты завтра не забудь отдать мастеру Гао ту коробку у двери. Пусть отправит отцу. Там вещи для Бэйшэна.

Гоудань недовольно фыркнул:

— Опять ты ему что-то накупил? У этого мелкого паршивца и так всего навалом. Не балуй его, а то вырастет белоручкой, жизни знать не будет.

С тех пор как Гоудань наотрез отказался жениться и твердо решил связать жизнь с Ван Сюанем, отношение их отца, Ли Сы, к младшему сыну сильно переменялось. Старик словно осознал, что теперь вся надежда на продолжение рода Ли лежит на хрупких плечах маленького Бэйшэна. Прежнее попустительство было забыто.

Гоуданю было чуждо это фанатичное стремление стариков во что бы то ни стало оставить после себя наследников. Тем не менее рвение отца взяться за воспитание мелкого он одобрял всей душой. Пусть старик проявит характер и как следует прижмет этого сорванца, чтобы тот шелковым стал.

Изначально Гоудань планировал забрать брата в столицу, устроить в хороший ведомственный детсад перед школой — ведь в их глуши никаких садов не было, и дети до семи лет росли сами по себе. Однако стоило Ли Сы заикнуться об этом, как Бэйшэн поднял такой рев, будто его вели на плаху.

Отец, при всей своей новообретенной строгости, мягкотелости изжить так и не сумел. Да и годы брали свое — куда ему воевать с капризным ребенком? Вот Бэйшэн и продолжал припеваючи жить в деревне. Мелкому не исполнилось и пяти, но соображал он отлично: поездка к старшему брату означала конец сладкой жизни и вечную муштру под суровым надзором.

— Ему еще и пяти нет, — вздохнул Ван Сюань. — Если он пойдет в школу только в семь-восемь лет, то безнадежно отстанет от сверстников. Время сейчас совсем другое, не то что в наши годы. Посмотри на городских ребятишек: они с пеленок учат стихи, занимаются музыкой, каллиграфией, танцами, всю зубрят английский с репетиторами.

Гоудань пренебрежительно хмыкнул:

— Раз не хочет ехать, силой тащить, что ли? Зажрался этот паршивец. Вспомни нас в его возрасте... Хм. Он с колыбели привык к нежностям. Отец с тетушкой Яо сами двух иероглифов связать не могут, чему они его научат? Живут там три неграмотных сапога.

— Ладно тебе, — улыбнулся Ван Сюань. — Не хочет — пусть остается. Но и время терять нельзя. Давай отправим ему книжки с картинками, кассеты с песнями, азбуку и детские уроки английского на дисках. Мы ведь привезли им в прошлый раз проигрыватель? Вот пусть дядя включает каждый день. Дети по телевизору все на лету схватывают. Бэйшэн парень сообразительный, пусть хоть так готовится.

— Слишком ты о нем печешься, — ворчливо отозвался Гоудань. — Меня один вид этого сопляка раздражает. За столом вечно ковыряется, капризничает. Ремня по нему хорошего не хватает.

Возиться с малышкой Гоудань терпеть не мог — не хватало терпения. Бэйшэн, наезжая к ним в гости, вел себя тише воды ниже травы, зная: стоит устроить истерику, и старший брат живо отлупит по заднице, а отец с мачехой даже пикнуть не посмеют. Так что Гоудань оставался для мелкого самым страшным существом на свете. А вот Ван Сюаня тот обожал — добрый братец Сюань всегда баловал его сладостями и дарил забавные игрушки.

Шутка ли — разница в возрасте у братьев составляла почти тридцать лет. Целая пропасть. Гоудань с малых лет пробивал себе дорогу сам, жизнь его закалила, сделав характер жестким, а лицо — суровым. Ребенку одного взгляда хватало, чтобы затрепетать.

— Сам ведь пальцем о палец не ударишь, — укоризненно покачал головой Ван Сюань. — А дядя ведь спит и видит, чтобы вы жили дружно. Если я об этом не позабочусь, старик изведется весь от тревоги.

Гоудань перехватил ладонь Ван Сюаня, укладывая ее себе на грудь, и заговорил после недолгого молчания:

— Слушай, отец опять заводил шарманку про внуков? Совсем на старости лет с глузду съехал. Чтобы ребенка заделать, баба нужна. Родить, отвалить ей кучу денег, а потом забрать младенца, разлучив с матерью? Да мы кем после этого станем? Последними тварями?

Ли Сы рассуждал просто: мол, не хотите жениться — черт с вами, живите как знаете. Но о ребенке подумать надо, чтобы на старости лет не остаться бобылями. И тогда ему будет глубоко плевать, с кем они делят постель — с мужчинами или с женщинами. Старик где-то краем уха прослышал, будто богачи в городах вовсю так делают: если законная супруга бесплодна, они просто «нанимают чужую утробу». Вот он и решил, что раз его сын и Ван Сюань родить не могут, им этот способ в самый раз. О моральной стороне дела Ли Сы даже не задумывался — за долгие годы его мания заиметь внуков превратилась в настоящую душевную болезнь.

— У нас в стране с этим строго, — ответил Ван Сюань, поворачиваясь к нему лицом. — Планирование рождаемости никто не отменял, да и суррогатное материнство под запретом. Там ведь черт ногу сломит: непонятно, чьи яйцеклетки используют, здоровые ли они, да и права этих женщин никто не защищает. Вот за границей в некоторых местах это законно, мы могли бы...

Гоудань резко перебил его:

— Ты что, всерьез об этом думаешь? Дети — это вечный ор и суматоха. У тебя есть время с ними возиться? Или у меня? Забудь эту дурь.

— Я просто рассуждаю о вариантах, — примирительно отозвался Ван Сюань. — Не хочешь — не надо.

Гоудань пристально посмотрел на него:

— И ты голову не забивай. Вся эта дурь с продолжением рода... Испокон веков у нашего брата этот пунктик извилины выжигает. А сколько семейных древ за всю историю засохло без всякого следа? Нам-то какое дело? Сейчас в городах у большинства вообще по одной девчонке растет. По старым меркам это тоже «бесплодная ветвь», и что с того? Посмотри вокруг: на каждом столбе висят объявления про лечение бесплодия. И ведь чем беднее голытьба, тем яростнее плодится. А толку от этих отбросов общества? Хоть десяток нарожай — нищета плодит нищету. Из свиного уха шелкового кошелька не сошьешь.

— Опять ты за свое, — вздохнул Ван Сюань. — Но глупо отрицать очевидное: дети — это надежда любого общества. Потребность передать свои гены заложена в человеке на уровне инстинктов, без этого мир просто покатился бы в пропасть. И дело не только в пресловутом продолжении рода. Семья, где звучит детский смех, и дом, где царит глухое безмолвие — это совершенно разные вещи. Вспомни хотя бы наших деревенских, у кого рождались только

девки. У них ведь руки опускались, жизнь казалась бессмысленной. Переставали зарабатывать, бросали развивать хозяйство. Рассуждали как: «Зачем жилы рвать, если наследовать некому? Все равно чужим людям достанется». Вот и пропивали все, плыли по течению день за днем.

— Дурачье безмозглое, — отрезал Гоудань. — Нашел кого в пример ставить.

— Знаю, что дурачье. Я лишь к тому, что пусть у нас и нет матки, чтобы выносить дитя, глупо спорить с тем, какую роль дети играют в жизни.

Гоудань бесцеремонно выхватил книгу из рук Ван Сюаня и отбросил на прикроватную тумбочку.

— Значит, все-таки мечтаешь о ребенке? Даже не думай. Никаких баб я к тебе близко не подпущу.

Ван Сюань рассмеялся, качая головой:

— Да что тебе мерещится? Каких еще баб? Я просто подумал: если через пару лет отец окончательно замучает тебя своими причитаниями, проще будет съездить за границу и нанять суррогатную мать.

Связав свою жизнь с Гоуданем, Ван Сюань давно свыкся с мыслью, что у него никогда не будет кровных детей. Он не испытывал по этому поводу никакой горечи, как, впрочем, и сам Гоудань. Однако Ли Сы с каждым годом становился все упрямее. Его навязчивая идея крепла, и Гоудань, устав от постоянных нотаций, начал попросту избегать родительского дома. Они не виделись уже несколько месяцев, и это молчаливое противостояние не могло продолжаться вечно.

— Ладно, — Гоудань крепче обнял его, прижимаясь всем телом. — С этим разберемся как-нибудь потом. А пока забудь про детей. Лучше подумай обо мне.

Он перехватил ладонь Ван Сюаня и без лишних слов опустил ее себе на пах, туда, где под тонкой тканью простыни напряженно и горячо бугрилась тяжелая плоть.

— Он тут с самого начала торчком стоит, — хрипло прошептал Гоудань на ухо партнеру. — А ты хоть бы пальцем пошевелил, чтобы его утешить.

Ван Сюань тихонько хмыкнул, чувствуя пальцами обжигающий жар:

— У него всегда энергии через край, когда это ему утешение требовалось?

Несмотря на шуточный тон, его пальцы уверенно и привычно обхватили твердый ствол,

медленно, с легким нажимом заскользив вверх-вниз.

Они давно выросли из возраста безусых юнцов. В те далекие годы они даже толком не понимали, как мужчины любят друг друга, и сходили с ума от простых взаимных ласк. Позже, открыв для себя плотские радости, они предавались им чуть ли не каждые два дня — с той неистовой, всепоглощающей страстью, которая теперь переросла в глубокое и зрелое чувство. Они изучили тела друг друга до мельчайшего изгиба, но это знание не сделало их близость пресной. Напротив, теперь каждый из них безошибочно чувствовал, от какого прикосновения партнер готов застонать от блаженства.

Вскоре тишину спальни нарушило прерывистое, тяжелое дыхание. Гоудань годами изнурял себя тренировками, и его тело казалось литым, высеченным из камня. В свои тридцать с небольшим он не только не растерял юношеской силы, но стал похож на закаленный клинок, упрятанный в ножны: внешне спокойный, но таящий в себе колоссальную мощь. Благодаря невероятной встрече с Настоятелем храма они получили уникальное наследие. Хотя старик и предупреждал, что нынешняя эпоха упадка духовной энергии не подходит для истинного пути бессмертных, их физическое развитие и познания в медицине ушли далеко за пределы возможностей обычных людей.

Разница была колоссальной. Гоуданю как-то довелось схлестнуться в тренировочном бою с Чэн Шу и его парнями из спецназа — тогда он на собственной шкуре ощутил, насколько превосходит профессиональных бойцов. Разумеется, без крайней нужды он своей истинной силы не показывал, и окружающие списывали его невероятную прыть на упорные многочасовые тренировки.

Медицинское мастерство Ван Сюаня тоже росло день ото дня. Но он, помня об осторожности, всегда маскировал свои чудодейственные методы под традиционную терапию доктора Циня, чтобы комар носа не подточил.

Обоим уже перевалило за тридцать, но по выносливости и гибкости они ничуть не уступали двадцатипятилетним парням на пике формы. Да и внешне, если бы не паспорт, им едва ли можно было дать больше двадцати шести лет.

В постели у них царило полное единение. Недюжинная сила рук и поясницы Гоуданя позволяла им пускаться на самые смелые эксперименты.

Вот и сейчас Гоудань одним мощным движением вздернул Ван Сюаня на руки, заставляя обхватить себя бедрами, и вошел в него стоя. Весь вес Ван Сюаня пришелся на сильные мужские плечи и предплечья, но Гоудань держал его без видимого труда, мерно и глубоко толкаясь снизу вверх, подсаживая партнера в такт своим движениям. Каждое соитие превращалось для них в изысканный и чувственный танец.

Ван Сюань без сил рухнул на мягкие простыни. Кожа его блестела от пота, грудь ходила ходуном, а сам он тяжело ловил ртом воздух, словно выброшенная на сушу рыба. Гоудань повалился рядом, шумно и порывисто дыша. Его налитой член, медленно опадая, покоился в

густых волосах на лобке, лениво вздрагивая в такт биению пульса.

— Как ты, малыш? — Гоудань повернул голову, заглядывая ему в лицо. — Сладко было? В этот раз мы прямо как по нотам сыграли. Все-таки больше недели терпели.

Ван Сюань зажмурился от накатившего блаженства, ладонью стирая выступившие в уголках глаз слезы.

— Очень сладко... — пробормотал он, глупо улыбаясь. — В какой-то момент думал, что закричу во весь голос. А тебе как?

— Да я чуть с ума не сошел от кайфа! Столько дней воздержания... — Гоудань приподнялся на локте и навис над ним. — Тебе определенно нужно бросать эти дежурства, только делу мешают. Ну что, повторим? Теперь можешь орать сколько вздумается, дом-то огромный, кроме нас — ни души.

— Погоди... дай хоть минуту передохнуть... Ох, помедленнее... ах-х!..

Почти до самого рассвета из окон спальни доносились тихие, бесстыдные вздохи и хриплые стоны. Разумеется, наутро оба проснулись совершенно разбитыми и то и дело зевали во весь рот. Гоудань наотрез запретил Ван Сюаню садиться за руль в таком состоянии. Когда к дому подъехала машина, он велел мастеру Гао сначала отвезти сонного Ван Сюаня на смену в больницу, и лишь после этого поехал в офис компании.

<http://bllate.org/book/19654/1996871>